

ОТЗЫВ
на диссертацию Станислава Борисовича Киселева
«Традиционная экономика кочевого населения полуострова Канин
в первой трети XX века и в начале XXI века»,
представленную в диссертационный совет Д 002.123.01
на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология.

Изучение традиционного хозяйства, его типов и комплексов, их истории, направлений и условий их трансформации, не является чем-то новым для отечественной этнографии. Подобного рода исследования имеют в нашей науке богатую традицию и их важность для понимания культурных и этнических процессов не подлежит сомнению. Тем не менее, в наших знаниях по этой теме до сих пор имеются большие пробелы, как географические (некоторые регионы и культуры нашей страны описаны в указанном отношении гораздо хуже, чем другие), так и теоретические. Поэтому новые исследования, посвященные традиционному хозяйству, особенно если они касаются ранее малоизвестных его областей и малоизученных в хозяйственном отношении групп, имеют большую важность и представляют значительный интерес.

Диссертация С. Б. Киселева представляет собой пример как раз такого исследования. Тундровое кочевое хозяйство до сих пор исследовано крайне неравномерно. Как автор справедливо замечает на странице 13 своей работы, лучше всего в настоящий момент исследовано кочевое хозяйство полуострова Ямал, о котором существует богатая литература, как отечественная, так и зарубежная, а хуже всего, если вести речь о западной части заполярья, исследованы Малоземельская, Тиманская и Канинская тундры. Работы, в которых кочевники этих районов исследуются в хозяйственном отношении, можно пересчитать по пальцам. Поэтому, диссертационное исследование С. Б. Киселева восполняет важный пробел в существующих исследованиях одной из важнейших этнографических тем.

Среди достоинств диссертации следует прежде всего отметить богатый этнографический материал, собранный непосредственно автором и положенный им в основу работы. Автор демонстрирует отличные навыки этнографа-полевика, хорошее владение методами полевой работы: этнографическим включенным наблюдением и

этнографическим интервью. Очень важно, что этнографический материал автора не ограничивается одной Канинской тундрой и прилежащими таежными районами: материал по Канинской тундре сопоставляется с собранными самим же диссертантом сведениями по северному Ямалу, а также, в некоторых местах работы, с другими районами Европейских тундр, в частности с Малоземельской (совхоз Индигинский) и большеземельской тундрами. Являясь давним и убежденным сторонником применения сопоставительного подхода в этнографии, я рад констатировать, что и в данной работе этот подход оправдал себя, позволив автору поставить собранный им материал в этнографический контекст и тем значительно увеличив его ценность. К сожалению, с теоретической контекстуализацией этнографического материала дело обстоит несколько хуже. Во введении к своей работе автор упоминает основные теоретические труды по типологии и трансформации хозяйства, такие как классическая работа Василевич и Левина о хозяйственно-культурных типах и исследование А. В. Головнева о хозяйственных типах западной Сибири, а также некоторые работы, целиком или частично посвященные традиционному хозяйству ненцев и коми и его трансформации в XX – XXI веках, включая работы А. В. Головнева, Флориана Штамлера, и даже диссертационное исследование автора настоящего отзыва об оленеводстве коми-ижемцев. Этот литературный обзор вполне можно было расширить: например, к рассуждениям автора о влиянии кооперативов (бывших совхозов), на хозяйственный комплекс, модели миграций, баланс семейных бюджетов и другие стороны жизни канинских оленеводов было бы очень полезно привлечь концепцию «совхозма» и другие теоретические разработки Юлиана Константинова, созданные им для анализа современного совхозно-личного оленеводческого хозяйства саамов, коми-ижемцев и ненцев Кольского полуострова. Однако основную проблему в данном случае составляют не пробелы в привлеченной литературе - в конце концов основные работы, относящиеся к теме, автор добросовестно упомянул и проработал, - а то, что богатый этнографический материал автора не ставится им в достаточной мере в контекст предложенных в привлеченной им литературе теоретических моделей. Цитируемая литература используется автором в основном как источник данных, привлекаемый им там, где у него отсутствует собственный этнографический материал: например, данных о хозяйстве канинских кочевников начала XX века. Разумеется, такое использование литературы вполне возможно и более того, оно занимает важное место в любом исследовании в области исторических наук. Однако нельзя, по моему мнению, ограничиваться лишь им. В конце концов, смысл научного

исследования – не просто собрать новые данные, но и показать, как эти данные подтверждают либо корректируют наши существующие представления о мире и в особенности – теоретические воззрения на исследуемый феномен. Для этого новые данные просто необходимо поставить в контекст уже известного. Именно от этого шага автор в диссертации воздерживается даже там, где такая контекстуализация напрашивается сама собой: например, он не пытается показать, как предложенная им типологизация кочевых хозяйств Канинского полуострова (промысловый, оленеводческо-промышленный и оленеводческий типы) и границы между типами соотносятся с упомянутой им типологизацией Головнева для западной Сибири. По моему мнению, такой отказ от теоретической контекстуализации является слабым местом рецензируемой диссертационной работы.

Основная часть работы состоит из 4 глав. В первой главедается краткое географическое описание Канинского полуострова и прилегающих к нему областей, за которым следует краткое описание хозяйства кочевого населения полуострова, ненцев и коми-ижемцев, в прошлом и настоящем с привлечением сопоставительного материала с севера полуострова Ямал. Эта часть главы представляет собой, в основном краткое описание того, что затем подробно рассматривается во второй и третьей главах работы. Кроме того, при описании оленеводства, автор дает некоторые общие сведения об этой хозяйственной отрасли, краткое описание (по классическим работам Баскина) экологии и физиологии северного оленя, кормовой базы оленеводства, экологического смысла оленеводческим миграциям. К сожалению, эта часть работы порой содержит некоторые ошибки. Например, на странице 33 работы автор утверждает: «таким образом, можно выделить фактор, который в отношении кормовой базы влиял на выбор зимних пастбищ – наличие в значительном объеме мха и сфагnumа, которые в зимний период являлись основным источником питания для оленей». Следуя этому фактору, согласно автору, канинские оленеводы выбирали под зимние пастбища болотистые места. На самом деле, олени практически не питаются мхами, в том числе сфагнумом. Последний иногда случайно захватывается оленями при поедании других видов корма, например кустарничков, и поэтому в небольших количествах встречается в рубце и желудке животных, но организмом оленя он усваивается очень плохо и кормом, а уж тем более «основным источником питания» для этого животного служить не может. Видимо автора смущило то, что некоторые виды лишайников, действительно являющиеся в большинстве

мест основным зимним кормом оленей, в народе неправильно именуются мхами. Так олений ягель (*cladonia rangiferia*) и цетрарию исландскую (*cetraria islandica*) часто называют оленым мхом и исландским мхом, хотя и то, и другое растение является не мхом, а лишайником. Впрочем, поедаемые оленями лишайники в любом случае практически не встречаются на болотах. В болотистых местах олень зимой может поедать ветошную растительность – остатки трав, осоки, кустарничков – которая там встречается в изобилии. Видимо именно за этим кормом и выходили на болота канинские оленеводы. К счастью, эта ошибка не играет особой роли в аргументации автора, не влияет на его выводы и в дальнейшем в работе не повторяется.

Главы 2 и 3 представляют основные результаты произведенных автором исследований. Следует еще раз отметить богатый и высококачественный этнографический и архивный материал, задействованный в этих главах. Приведенные этнографические описания и исторические реконструкции очень детальны и хорошо обосновывают основные выводы работы, вынесенные автором на защиту. Пожалуй единственный из этих выводов, который все-таки продолжает вызывать некоторые сомнения, это вывод об относительно малом значении в хозяйстве этнических различий между ненцами и коми-ижемцами не только в начале XXI века (что не вызывает, разумеется, ни удивления, ни особых сомнений), но и в начале XX века. Согласно мысли автора, этнические различия нивелировались «под давлением естественных условий и экономической ориентации того или иного хозяйства». Автор обосновывает этот вывод тем фактом, что хотя некоторые различия между ненцами и ижемцами в технологии и приемах выпаса – например деление стада на маленькие группы – существовали, перепись 1926/27 гг. «в целом, не демонстрирует существование какой-либо четко выраженной этнической специфики в оленеводстве» (стр. 55), как и в других отраслях. Однако не следует забывать о том, что перед и во время указанной переписи ижемцы в Канинской тундре подвергались репрессиям: крупные ижемские оленеводческие семьи, как раз те, у которых этническая специфика хозяйства была, скорее всего, особенно заметна, были выселены в Большеземельскую тундру, а среди тех, кто остался, многие предпочли сменить этническую идентификацию и называться ненцами, чтобы избежать угрозы насильтвенного выселения (автор, кстати, пишет об этом на той же странице 55). Следовало бы рассмотреть вопрос, не была ли слабая выраженность этнических различий в хозяйстве, зафиксированная полярной переписью, обусловлена этими историко-

политическими факторами скорее, чем следствием «естественных» (географо-климатических?) условий. Кстати, автору, несомненно, следует поставить в заслугу подробный и качественный разбор социополитической обстановки в архангельских тундрах в указанный период и реконструкцию истории репрессий против ижемского населения этих тундр. Такой разбор и реконструкция не были напрямую связаны с темой и задачами его работы, но они несомненно являются ценным вкладом в историческую науку, поскольку указанный исторический эпизод до сих пор остается крайне малоизвестным и малоизученным.

Наконец, четвертая глава работы посвящена анализу приведенного в предыдущих двух главах материала. На основе этого анализа делается вывод о существовании трех экономических типов кочевых хозяйств в Канинской тундре начала XX века – промыслового, оленеводческо-промышленного и оленеводческого. Этот вывод, как справедливо замечает автор можно распространить и на другие территории севера Евразии (хотелось бы еще раз выразить сожаление о том, что он не поставлен в надлежащий теоретический контекст) и более того, те же типы хозяйств можно выделить, согласно исследованиям автора, в наше время на севере Ямала. Этот основной вывод работы представляется хорошо аргументированным и не вызывает особых сомнений. Вторая часть четвертой главы посвящена хозяйству современных кочевников Канинской тундры, в частности решению вопроса о соотношении в нем основных отраслей – оленеводства, рыболовства, охоты и собирательства. Для решения данного вопроса автор привлекает метод энергетических балансов, почерпнутый им из известной работы И. И. Крупника «Арктическая этноэкология». По моему мнению, обращение к данному методу не было достаточно удачным выбором со стороны автора, тем более что применяет он его в несколько усеченном виде: анализу подвергается лишь роль отраслей в удовлетворении энергетических потребностей питания. Однако, роль продукции той или иной отрасли хозяйства в питании оленеводов – это далеко не то же самое, что роль этой отрасли в хозяйстве оленеводов. Например, чуть ранее в тексте работы автор делает весьма справедливый вывод о том, что в начале XX века, в хозяйстве промыслового и оленеводческого типа очень важную роль играла охота на пушного зверя. Однако, поскольку ни ижемцы, ни ненцы традиционно мясо песцов в пищу не употребляли, роль продукции этой отрасли в поддержании энергетического баланса питания была нулевой или близкой к нулю. Точно также тот факт, что оленина в настоящее время удовлетворяет

около трети потребности модельной оленеводческой семьи в калориях, а продукция охоты – около 20% не означает, что оленеводство всего в полтора раза важнее охоты, ведь помимо пищи оно дает кочевникам средства транспорта, материал для постройки жилища, пошива одежды и т. д. Впрочем, автор и сам в конце концов отказывается от использования балансов для оценки соотношения отраслей и вместо этого делает на их основании гораздо более скромный вывод – о низкой натуральности современного хозяйства канинских кочевников. Этот вывод, несомненно, более обоснован, чем был бы вывод о соотношении отраслей, но во-первых его можно было сделать и гораздо проще, просто подсчитав роль покупных продуктов в рационе, а во-вторых роль покупных продуктов в питании и натуральность хозяйства все-таки тоже вещи разные: даже если бы питание канинских оленеводов состояло в основном или полностью из продукции оленеводства, рыболовства, охоты и собирательства, мы вряд ли могли бы назвать его натуральным, поскольку привозные товары – снегоходы, бензин и запчасти для них, одежда и ткани, мобильные телефоны и т. д. все равно продолжали бы играть огромную роль. Выводы о хозяйстве просто не совсем корректно делать из баланса питания, именно поэтому Крупник посвятил так много времени изобретению способа учета при составлении балансов факторов жилища, одежды и т. д. Главное же, проведенный анализ балансов, по-моему, не добавил ничего к выводам работы.

В целом, однако, можно констатировать, что описанные недостатки не помешали автору решить поставленные в работе задачи и достигнуть поставленных целей. Работа содержит детальное описание и анализ хозяйства кочевого населения Канинской тундры в начале XX и в начале XXI века. Это само по себе уже является значительным вкладом в наши знания, поскольку детального ретроспективного хозяйственного описания канинских кочевников ранее не было. На основе этого описания предложена и обоснована типологизация тундрового хозяйства, причем выявленные типы имеют различные модели освоения пространства и утилизации природных ресурсов. Показаны условия перехода одного типа в другой, намечены исторические тенденции развития этих типов, определены причины их отсутствия в современном хозяйстве канинских кочевников и их присутствия на Ямале. Все это подтверждено большим объемом качественного этнографического и архивного материала, впервые вводимого в научный оборот. Все указанное, несомненно является большим достижением, важность которого покрывает выявленные недостатки.

Тематика работы полностью соответствует специальности 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология. Положения работы нашли отражение в трех публикациях автора в журналах, рекомендованных для этой цели ВАК и в трех публикациях в соавторстве в других изданиях. Автореферат диссертации соответствует ее тексту и адекватно отражает цели, методы, задачи и результаты работы.

Поэтому у меня нет никаких сомнений, что диссертация удовлетворяет требованиям пп. 9-10 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», предъявляемым ВАК Минобрнауки России к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, и что автор заслуживает присуждения искомой ученой степени.

K. 2

Кирилл Владимирович Истомин, к.и.н.

Старший научный сотрудник Сектора этнографии

Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН

Ул. Коммунистическая, д.26

Г. Сыктывкар, ГСП-2

Индекс: 167982

Тел. (+7 8212) 245564

Эл. почта: kistomin@naver.com

